
Анастасия СКОРИКОВА

* * *

Лгут зеркала, — какой же я старик!
У. Шекспир

Моя рука — его в миниатюре.
Да и сама я на отца похожа.
Но то, что было свойственно натуре,
что оказалось внешности дороже,

исчезло вместе с ним, предполагая
неповторимость личности, загадку.
И в сущности-то, я совсем другая,
хоть к этому привыкла недостатку.

Но в зеркале единство обнаружив,
в муть отраженья с жаром очевидца
нырнуть пытаюсь, с каждым годом глубже,
и с папиной улыбкой возвратиться.

СТАРЫЙ ДОМ

А я не тороплюсь, останусь тут.
Часы идут, шуршит листва на ветке.
Годами создаваемый уют
с изысканностью выцветшей виньетки,

барочным сном, порочным рококо,
роскошным прошлым, как плющом, увитый...
Как в этих стенах стариться легко,
век доживать вдвоем с кариатидой!

Хотя плечо ослабло, не страшусь
быть вместе с ней поддержкой и опорой
мгновений чудных, сохраняя груз
обид горячих, радостного вздора.

Менялось все, а этот дом стоял.
Поэтому и не спешишь наружу.
Ночное небо отразив, канал
вплывает внутрь, заполая душу.

Анастасия Юрьевна Скорикова родилась в Ленинграде в 1969 году. Окончила факультет прикладной математики ЛГУ. Автор книг «Птичий век» (2003), «Золотая нить» (2007), «Виадук» (2015), публиковалась в сборниках «Автограф», «6 ЛИТО на Звенигородской», в журнале «Звезда», живет в Санкт-Петербурге.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Налей мне водочки, и будет, как у всех,
уютным дом. Дадим себе поблажку —
отпразднуем сегодня первый снег.
Наденет город белую рубашку.
Мы вспомним этих и помянем тех,
чьи души оказались нараспашку.

Метет снаружи, превращается вода
в кристаллы сна — в серебряной порфире
забвения замерзшая среда.
А здесь сквозняк гуляет по квартире,
как гость, презревший слово «никогда»,
забывший, что уже не в этом мире.

Небрит, простужен, непростительно незрим,
Молчание — упрека подоплека —
воздушным шлейфом тянется за ним.
Ему там плохо, знаю, одиноко.
Но мы нальем еще, поговорим,
на талый след уставясь у порога.

ПАТРИОТ

Похолодало. Там, где жарко, быть убитым —
хотя и малый риск, но все же есть.
Кто в молодости был космополитом,
с годами патриотом станет здесь.

Еще не старость, но какая-то усталость...
Зачем чужой Акрополь, Колизей?
Лишь то и согревает, что осталось
в сознании — в кругу родных идей:

Опочка сонная, туда ведет дорожка
из незабвенных, но избитых слов,
пустырником пропахшая Пустошка
и в ближнем зарубежье — Могилёв.

* * *

Заходишь с мороза в кафе — шоколадом
здесь пахнет, корицей, настоечкой горькой.
Но чтобы согреться, мне много ли надо —
двойной капучино, где сахара горка
на облачке пены без тени обузы
не тонет в пучине, подтаяв отчасти.

А рядом за столиком слышно — французы
воркуют красиво о счастье. О, счастье!
Французский язык ведь настроен на это,
я с ним отдыхала, забыв про нагрузки
(был в школе одним из любимых предметов).
Не то что великий, могучий наш русский:
задуматься стоит лишь — счет обнаружишь
за кофе, за воздух, сгустившийся, что ли.
Заплатишь, окажешься снова снаружи
с заснеженным небом в кристалликах соли.

МАЙСКИЙ ЖУК

Щегол Мандельштама и бабочка Фета
уже упорхнули... Весной разогрета,
я майского снова ловила жука.
А он зависал виртуозно в полете,
садился на дерево, как вертолетик.
Тянулась с панамкой рука.

Какая бомбочечка: усики, глазки!
Вот крепкий орешек из солнечной сказки,
в белесых ворсинках брюшко, жесткокрыл.
В руке, сохраняющей тяжесть живую,
держала его, ощущая: живу я.
Казалось, пропал прежний пыл.

Поймаешь опять и удержишь в ладони,
назад возвращаясь, где нас не догонят
отчаянье, глупость, обида и стыд.
Блаженно стоишь под раскидистым кленом
ребенком — той девочкой, вечно влюбленной
во всех, кто летит и жужжит.

* * *

День из детства. За окнами сумерки:
двор осенний то в охре, то в сурике,
фонарей золотые шары.
Допоздна задержались родители,
но меня тут без них не обидели.
Я одна принимаю дары.

За буфетной разохшейся дверцею,
где хранились душистые специи,
сахар в вазе лежал — целый воз.
Потому-то с тех пор одиночества
мне, как сладкого вечером, хочется —
рафинада спрессованных звезд.